

УДК 94(470.51)''17/18'':323.1(045)

*Н.В. Пислегин***МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖСОСЛОВНЫЕ КОНФЛИКТЫ В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ
КОНЦА XVIII – XIX ВЕКОВ**

Статья посвящена раскрытию конфликтных аспектов во взаимоотношениях между этно-сословными группами населения Удмуртского Прикамья в конце XVIII–XIX в. Свое отражение они получали как в момент переселения, так и во время жизни бок о бок. Как правило, их истоки лежали в социально-экономической сфере. Наибольшее распространение получили поземельные споры. Своеобразным проявлением стали системные поборы за якобы охрану лошадей чепецкими татарами. Наиболее крупными волнениями стали конфликты между группами русского населения (Камбарка против Масляного Мыса) 1853 г., татарами д. Агрыз и удмуртами близлежащих селений 1860 г. Особенность полиэтничного региона обуславливала развитие специфических явлений, таких как распространение с середины XIX в. слухов о человеческих жертвоприношениях. В целом проявления конфликтных взаимоотношений носили ситуативный характер, значительную роль в них играли уголовные элементы.

Ключевые слова: народы Удмуртского Прикамья, сословные группы крестьянства, община, переселения, конфликты, человеческие жертвоприношения.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-35-44

Часть территории, расположенная в бассейне р. Камы и условно называемая нами Удмуртским Прикамьем по факту традиционного проживания здесь удмуртов, а также вхождения в XX в. в состав Удмуртской автономии, исторически является местом значительных этнокультурных контактов. Традиционно по соседству с удмуртами проживали русские, татары, марийцы и другие народы. В условиях феодальной России большее значение имела их принадлежность к тому или иному сословию. В течение XVIII в. наметилась тенденция усиления чересполосного проживания этносов, в подавляющем большинстве случаев относившихся к различным категориям крестьянства и, в значительно меньшей степени, группам заводского населения. В XIX в. проживание поблизости или в непосредственном соседстве стало нормой, при этом принадлежность людей к той или иной сословной группе продолжала учитываться как в период кризиса, так и во время дальнейшего свертывания феодально-крепостнических отношений. Одной из форм взаимодействия между этно-сословными группами являлись конфликтные отношения.

Проработанность вопроса в историографии, с одной стороны, высокая. Начать следует, например, с известных штудий ученых-путешественников XVIII в. о нравах народов, в том числе Поволжья и Приуралья, реакции на обиды от окружающих. В качестве одного из промежуточных итогов работ последних лет можно назвать работу Е. И. Шорникова, изучающего перспективы использования теории игр в крестьяноведении, выстраивания математической модели поведения общины в конфликтной ситуации, или коллективную монографию, посвященную истокам и последствиям межэтнических конфликтов, их предупреждению и урегулированию, где одним из авторов выступил удмуртский исследователь В. С. Воронцов [25, с. 90–98; 21, с. 219–224]. С другой стороны, именно в таком ракурсе на указанной территории в рассматриваемый временной отрезок проблема не рассматривалась.

Говоря о процессе формирования чересполосного проживания этносов, следует отметить, что далеко не всегда переселения проходили гладко. Так, в 1784 г. представители удмуртской части сотни Тимофея Васильева Глазовского уезда (ныне преимущественно Унинский р-н Кировской области) вначале попытались пресечь разрешенное вятскими наместническим правлением и казенной палатой подселение на свои земли 159 душ вятских крестьян; в дальнейшем, когда это не удалось, препятствовали на сходе выбору из русских пятидесятника «к смотрению воров и разбойников», который бы помогал удмуртскому сотнику. Эти и прочие «самовольные непотребства и сопротивление» возглавлял «новокрещен» Осип Игнатъев, собственно, только он и был наказан [11, с. 22–23]. Среди примеров, когда русские подобным же образом притесняли удмуртов, можно упомянуть события 1798 г. и последующих лет. Тогда удельные крестьяне с. Козлово (исчезло, Сарапульский р-н) и д. Пальники (ныне не существует, Завьяловский р-н) Козловского приказа не пускали государственных

ных крестьян-удмуртов д. Ожмос-Пурга Бурановской волости Сарапульского уезда (Завьяловский р-н) застраиваться на выделенном Ижевской заводской конторой участке вырубленного леса. Переселявшиеся сами удельные крестьяне, согласно жалобе, не давали «поселиться строением», «рубят лес», «владеют землей», «бьют без милости», «бесчеловечно», «ломают построенные дома», «причиняют великую обиду и разорение, а также и скоту в корму притеснение». И все это происходило, несмотря на запрет на переселение от собственного руководства, Вятской удельной экспедиции [23, ф. 582, оп. 2м, д. 71, л. 1–2]. Отмеченные перипетии можно увязать с возникновением таких русских деревень на территории современного Завьяловского района, как донныне существующие Пиканы или исчезнувшее Мальцево, официально основанные в 1798 г. из Пальников и Козлово [18, с. 406].

Относительная свобода крестьянских сообществ в распоряжении земельным фондом была значительно ограничена в рамках Генерального межевания 1804–1835 гг. В 1817 г. по разрешению казенной палаты жители Нолинского уезда попытались заселить понравившийся участок в Большенорьянской волости Малмыжского уезда, ранее отрезанный по межеванию в казну. Точно так же в предыдущем году это место (поч. Сулвай-Какся¹) стали осваивать удмурты из д. Нюрпод-Какся Большеучинской волости того же уезда (д. Нюрпод Вавожского р-на). Власть предполагала совместное уравнительное пользование крестьян землю согласно числу их ревизских душ (7 русских, 16 удмуртских), однако удмурты разломали или подожгли устроенные напротив своих хозяйств строения русских крестьян, засеяли данное пространство и изгнали своих потенциальных соседей [15, с. 30]. Подобным же образом татары и бесермяне Кочуковской волости Глазовского уезда выступили в 1842 г. против переселения к ним выходцев из Вятского уезда. Согласно объяснительной помощника окружного начальника Обольянинова, в занимаемую им в д. Засеково (Юкаменский р-н) избу вошли три татарина и по-удмуртски стали требовать от находившихся там крестьян, чтобы те не соглашались с переводом части земли в надел для переселенцев [24, ф. 126, оп. 1, д. 151, л. 4–8]. Разумеется, подобные протесты против одобренных государством подселений представителей иных этносословных групп не могли их пресечь. Вместе с тем в дальнейшем повсеместным явлением, особенно начиная с пореформенного периода, стало, например, разделение селений, в предшествующий период ставших полиэтничными, на отдельные мононациональные населенные пункты.

История земельных конфликтов между северными удмуртами и чепецкими татарами документально прослеживается, минимум, с конца XVII в. В них участвовали также бесермяне [5, с. 130–132, 145–175; 4, с. 87–88]. И в первой половине XIX в. заявлявшие себя потомками одного из действующих лиц того времени, Мавлиша Касимова, жители д. Кестым и поч. Падеры (в наши дни Балезинский р-н), упорно старались завладеть удмуртскими покосами в урочище «Гордынское городище». Для этого они подавали прошения в различные властные инстанции, стараясь стать пользователями потенциальных отрезков Генерального межевания [24, ф. 126, оп. 1, д. 49, л. 1–9; д. 681, л. 2–6, 128–222; 22, с. 337–341]. Эту основную линию противостояния разрежали более мелкие стычки, подобные «навалному вступательству» в 1790-е гг. братьев Владыкиных из с. Балезино (Балезинский р-н) на сенокосный участок кестымцев Ибрагима и Абдул-Карима Касимовых [24, ф. 347, оп. 1, д. 126, л. 58–59об].

Драки за земельные, часто сенокосные, участки являлись одним из наиболее распространенных проявлений открытых конфликтов между общинами, причем часто с одинаковым этно-сословным статусом. Например, в 1862 г. в Глазовском уезде жители более многочисленного поч. Погудинский Мухинской волости (исчезнувшая д. Погудино Красногорского р-на) под руководством старосты селения на спорной земле избili крестьян поч. Усыннинский Леденцовской волости (исчезнувшая д. Усынята Красногорского р-на), повредили их сельскохозяйственный инвентарь. Межевые чиновники не смогли решить спор, более того, вполне вероятно, разбудили его, когда в 1852 г. произвели дополнительную нарезку земли усныннинской общине. 31 житель (или почти половина населения по данным 1859 г.) д. Шушерская Рыбаковской волости Глазовского уезда (исчезнувшая д. Шушара Немского р-на Кировской области) устроили в 1864 г. драку на спорных лугах, отданных д. Зубковская (исчезнувшая д. Зубки Унинского р-на). Наказание было незначительным: арест на три дня с требованием оскорбившему волостного голову прилюдно извиниться, принесение извинений со

¹ Поч. Новая Какся по речке Сулвай (ныне несуществующая д. Сулвай Вавожского р-на) был основан в 1795 г. удмуртами из д. Киргизова (совр. д. Верхнее Юлдашево Илишевского р-на Башкирии) и д. Ныши-Какся (предположительно д. Большие Собы Можгинского р-на) [18, с. 307]. Вероятно, в 1816 г. в него также переселились выходцы из Нюрпод-Какси, у которых как раз и возник конфликт с русскими подселенцами 1817 г. Как минимум, до начала XX в. населенный пункт в основном оставался этнически однородным [12, с. 2].

стороны 9 шушерцев с компенсацией в 3 руб. от каждого при его желании, «оставление в подозрении» остальных [16, с. 170; 2, с. 141, 148].

Помимо споров за землю, между удмуртами и татарами имели место и иные, подчас весьма своеобразные проявления конфликтных взаимоотношений. Так, в конце XIX в. П. М. Сорокин красочно обрисовал систематические поборы с окрестных селений за охрану и поиски лошадей жителями дд. Кестым и Падера [20, с. 93–94]. Его свидетельство можно подкрепить документальными данными. В 1893 г. по 2 месяца заключения получили кестымец и падеринец, якобы охранявшие лошадей в поч. Лулым Поломской волости Глазовского уезда (исчезнувшая д. Лулым Балезинского р-на), при этом посещая его всего лишь 3–4 раза в год. Большая часть жителей (13 из 16) раз в год из страха лишиться тяглой силы отдавала ведущим себя как «повелители» по 20 фунтов хлеба за голову, двое не платили, объясняясь несостоятельностью и недавним подселением, и лишь один просто не платил. В октябре 1902 г. земский начальник 8-го участка А. П. Булгаков сообщил о сборе с удмуртов и «даже» русских «известного количества зерна (смотря по уговору) с каждой лошади» конокрадами, поделившими между собой весь уезд. При этом при пропаже лошади последние, в лучшем случае, обеспечивали возврат за выкуп. Данная устоявшаяся традиция стала трактоваться как мошенничество только с 1885 г., земский начальник предлагал вывести подобные дела из ведения волостных судов, дающих незначительные наказания [24, ф. 96, оп. 1, д. 2960, л. 1–82; ф. 113, оп. 1, д. 105, л. 123–124].

Документы достаточно часто приводят обратные примеры, когда удмурты коллективно прямыми действиями пытались защитить свое движимое имущество либо владение. Например, они могли причинить «обиды» представителю высшего сословия подобно совершенной в начале 1850-х гг. двумя жителями д. Шурсак-Копки Сарсак-Омгинской волости Елабужского уезда (с. Большая Кибья Можгинского р-на) помещице сельца Шумшоры Сарапульского уезда (д. Шумшоры Каракулинского р-на) Елене Юмашевой «чрез разыскание у нее в каких-то потаенных местах» потерявшихся лошадей [24, ф. 241, оп. 1, д. 313, л. 32]. В 1857 г. на пограничье уездов (совр. Киясовский р-н) произошло прямое столкновение, в котором, так получилось, с одной стороны выступали удмурты Елабужского уезда, с другой – русские Сарапульского. 24 октября 5 жителей д. Карамас-Пельга остановили тройку крестьян Губякиных из д. Большая Киясова (с. Киясово), заподозрив их в самовольной порубке своего леса. В ходе завязавшейся потасовки они отобрали лошадей. Последовала жалоба следственному приставу Сарапульского земского суда М. А. Чистякову, и он вместе с полицейским сотским и понятыми, в числе которых были и заинтересованные лица, 25 октября прибыл в Карамас-Пельгу и попытался препроводить обнаруженных лошадей в Киясово. В ответ удмурты, «внезапно схватив палки», отбили лошадей обратно и захватили одного из вероятных порубщиков Силантия Губякина. Пристав был вынужден отступить, «внимая к общему голосу людей, что вотяки по склонности своей к убийствам во время позднего вечера непременно кого-нибудь убьют, так как они всегда действуют заодно». 26 октября наступавшие были остановлены вблизи удмуртской деревни большой толпой «с дубинами, молотилами и кольями с страшным криком». Новый отход «во избежание драки и могущих последовать при ихнем диком и отчаянном характере несчастий» был объяснен также тем, что подбегавшие с кольями к своим мужьям и сыновьям удмуртки под полами платьев приносили ножи, а в самой деревне ожидали сигнала для выступления «сообщники» из татарских и марийских деревень. В рапорте Елабужского земского суда сообщалось, что отнятые лошади и захваченный С. Губякин были препровождены в Старосальинское сельское управление, оттуда он со своим имуществом бежал, однако следствие о лесостреблении было доведено до уездного суда. Поддержку карамаспельгинцам оказывали жители д. Удьяди-Салья (ныне часть д. Карамас-Пельга), имевшие с ними общую дачу [23, ф. 582, оп. 88, д. 430, л. 2об–9].

Проявления межнациональных и/или межсословных трений периодически приобретали более открытый, массовый характер. 28 августа 1860 г. сотни удмуртов (официально около 700) Большеновской и Бурановской волостей Сарапульского уезда и Ильинской – Елабужского, организованные представителями самоуправления, зашли в татарскую д. Агрыз и произвели здесь избиения, грабежи и самосуд. Среди заводил (Данил Алексеев (Кондрашка) из д. Кваскашур (д. Орлово), Наум из д. Баграш-Бигра, Антон Федотов и Тарас из д. Чиган (д. Алганча-Игра (?), все – Малопургинского р-на) были отмечившиеся асоциальным поведением и ранее. Восставших раззадоривали якобы наличием официального разрешения на поиски и избиение виновных в конокрадстве, призывали бить богатых, чтобы те выдали воров (например, Абдулманана Абдулхананова по прозвищу Карга, т.е. Ворон), и даже повесить пристава (вероятно, за бездействие). На следствии удмурты, требуя выселения из

Агрыза 40–70 чел., апеллировали к событиям 1833–1835 г. Тогда по жалобам русских и удмуртов власть инициировала попытку ликвидации «систематически устроенного сословия»: при помощи общинников, недовольных разраставшимися преступлениями и имеющих поземельные споры с татарами, были разысканы вероятные виновные, на волостных сходах в присутствии полиции в с. Данилово (Киясовский р-н) были выпороты 13 жителей дд. Агрыз, Ижбобья и Ижбайки (Агрызский р-н Татарии), еще большее количество оказались отданными в солдаты либо подвергнутыми различным видам заключения и каторги². И теперь после проведения следствия, которое начинали уездные земский исправник и окружной начальник, конечное решение, по крайней мере, формально отдавалось миру. Однако здесь первоначально сработал фактор большей этнической однородности малой административно-территориальной единицы – Агрызской волости, оформившейся по преобразованию 1859 г. Обоюдное стремление жителей Даниловской волости выделить татар в отдельную единицу прослеживалось, минимум, с 1835 г., оно было реализовано и дало естественный плод – первоначально волостной сход соглашался на высылку только трех человек. Последовало дополнительное давление, итогом которого стал приговор 1862 г. об изгнании 18, к которым несколько позднее по представлению палаты государственных имуществ добавились еще 10 чел. Наказание ожидало и отдельных представителей противоположной стороны [23, ф. 576, оп. 1, д. 90, л. 1–99; ф. 582, оп. 81, д. 472, л. 1–140об; 24, ф. 241, оп. 1, д. 633, л. 8–18об, 148–149; 14, с. 101; 17, с. 638].

Практически сразу названные представителем местной власти, сарапульским земским исправником А. И. Россихиным, причины агрызских событий 1860 г. оказались точными. Это, с одной стороны, явный недостаток у татар земли, из-за чего многие из них были вынуждены выбирать преступный промысел, с другой – непроработанная система контроля за забоем животных, позволявшая вводить в оборот значительные объемы добытой незаконным путем продукции. Фактическое игнорирование этнической принадлежности преступника обоснованно подкреплялось указанием на наибольшее распространение краж лошадей и другого скота еще в нескольких пограничных волостях уезда, а также среди удмуртов д. Чужьялово (Завьяловский р-н), находившейся в относительной близости от крупнейшего в губернии поселения, Ижевского завода, с одновременной ее затерянностью среди лесов [23, ф. 576, оп. 1, д. 90, л. 34–36об, 73–74].

В свое время существенный отклик, значительно превосходящий реакцию на описанные выше события, получили масштабные столкновения, которые произошли в начале 1850-х гг. между двумя группами русского населения региона – жителями частновладельческого Камбарского завода Осинского уезда Пермской губернии (г. Камбарка) и удельными крестьянами д. Масляный Мыс Бирского уезда Оренбургской губернии (ныне исчезнувшее селение на территории Краснокамского р-на Башкирии). По рапорту удельных властей, более 700 заводчан с «топорами, копьями, дрекольями и железными вилами» ворвались в деревню, где разграбили и повредили дома, имущество, инвентарь, убивали домашних животных и птицу, избивали попадавшихся «под горячую руку». О произошедшем было доложено императору, на место был командирован жандармский полковник Станкевич для исследования причины «неслыханного буйства», поиска подстрекателей и виновных, которых предполагалось отдать военному суду. Следствие проводил Воткинский военный суд. В действительности объемы столкновений, на наш взгляд, оказались меньшими, но в них, тем не менее, участвовали десятки, возможно, сотни людей. Их истоки опять-таки находились в экономическом ракурсе и имели длительную, как минимум с августа 1820 г. (когда случились первые столкновения), историю. Удельные крестьяне вырубали лес, совершали потравы, вывозили приготовленное сено с лугов на р. Буй, до 1801 г. принадлежавших им. Естественно, это вызывало обратную реакцию новых пользователей, и 1 августа 1853 г. камбаряки, получив разрешение заводской конторы на совместную уборку сена на участках вблизи Масляного Мыса, после попытки помешать победили в драке и преследовали крестьян до их жительствова, громя своих соседей, «чтобы они впредь не изъясняли притязания на их луга». Несколько ранее, 2 июля, наоборот, были избиты заводские жители при попытке переправы через Буй [24, ф. 212, оп. 1, д. 6841, л. 2–17; 19, ф. 37, оп. 60, д. 685, л. 1–2].

При рассмотрении аспектов открытого конфликта между различными группами населения края в рассматриваемую эпоху неизбежно обращение к такой крайней форме проявления открытой ксено-

² Именно эти мероприятия с подачи А. И. Герцена, представившего события как открытый грабеж крупной деревни несколькими татарами, стали одной из повторяемых искаженных иллюстраций забитости удмуртов в том числе в научной этнографической литературе.

фобии, как основанные на слухах и домыслах обвинения «чужих» в системных человеческих жертвоприношениях и/или людоедстве. Их с полным правом можно охарактеризовать как кровавый навет. Вплоть до приблизительно середины XIX в. численность таких обвинений, по всей видимости, была незначительной и, что более важно, они не вызывали «нужного» отклика со стороны общества и его институтов. В качестве иллюстрации приведем случай, произошедший на территории современного Унинского района в 1796 г. В конце июля удмурт из поч. Пазял (ныне не существует) Тимофей Ефимов убил на дороге обухом топора жителя соседнего русского поч. Полом (исчезнувшая д. Шулепы) Т. И. Шулепова и спрятал его тело в лесу, сняв с трупа кафтан и кушак. Причиной стала «брань» последнего в ответ на обвинение в конокрадстве. Убитого отца вскоре нашли сыновья, освидетельствование и следствие провели совместно руководители и представители заинтересованных миров – преимущественно удмуртского Лумпунского конца сотни Тимофея Васильева и русской Зачурмыжской волости Филипповой слободки Глазовского уезда Вятской провинции. Несмотря на отсутствие у трупа головы и левой руки (что тогда расценили как влияние диких животных), были сделаны однозначные выводы о виновности одного человека в преступлении на бытовой почве. За содеянное он был приговорен к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и клеймению лба и щек «на месте» с последующей ссылкой в Иркутскую губернию [11, с. 37–41]. Менее чем через 100 лет подобные обстоятельства стали вызывать в том числе обвинения в человеческом жертвоприношении, поводом для предъявления вины жителям с. Старый Мултан Старотрыкской волости Малмыжского уезда (с. Короленко Кизнерского р-на) стало обнаружение в 1892 г. трупа нищего крестьянина, у которого отсутствовали голова, сердце и легкие.

В 1835 г. Малмыжский уездный суд (Вятская губерния) все еще не поверит показаниям священника В. Е. Овчинникова из с. Вавож, но в 1837 г. палата уголовного суда, ревизовавшая решение нижней судебной инстанции, оставит, пусть и формально, в «сильном подозрении» ошибочность сделанной батюшкой трактовки. Церковнослужитель, увидев на традиционном молении 24 мая некоторых жителей («человек до пяти») д. Квачкам-Жикья Водзимоньинской волости (ныне часть с. Вавож) избитыми до крови, посчитал такое подтверждением наличия обрядовых драк у удмуртов. Сами крестьяне, удостоверяя свое воззвание к «небесному богу» в поле об урожае с жертвоприношением барана, либо отрицали факт пьяной драки, либо категорически опровергали ее связь с молением [23, ф. 56, оп. 1, д. 131, л. 2–21об]. Здесь отдельно следует отметить факт несомненного наличия коррупционной составляющей во взаимоотношениях представителей государственной и церковной власти на местах с принявшими крещение, но продолжающими придерживаться и традиционных верований удмуртами. Так, своеобразной «классикой жанра» стало «лихоимство», совершенное в 1850 г. по отношению к семье удмурта поч. Чужеговский Шарканской волости Сарапульского уезда (совр. д. Чужегово Шарканского р-на) А. В. Перевощикова. За недонесение вышестоящему начальству о вероятном случае принесения им в жертву жеребенка голова А. Вахрушев, писарь И. Н. Бехтерев, дьякон А. Анисимов потребовали в общей сложности 20 руб., священник А. Овчинников – 40 руб. серебром. Жертву запугивали неким архиереем, который «сошлет в Сибирь», и розгами. Шкуру животного подбросили по указке на чердак-подволоку обвиненного крестьянин Н. Корепанов и работник Перевощикова В. Степанов. Последнего якобы принуждали «во время принесения жеребенка в жертву по идолопоклонству» есть его мясо, но на следствии он признался, что испугался волостного начальства, а также хотел отомстить за побои. Кроме того, имелись долг перед хозяином в 300 руб. и зависть («имеет хорошее состояние, а я нахожусь в крайней нужде и потому во всякую пору могу быть от него преследуем») [24, ф. 241, оп. 1, д. 693, л. 2–129].

Первые факты уголовного преследования за якобы человеческие жертвоприношения в Удмуртском Прикамье исследователями отнесены к середине XIX в. В 1848–1862 гг. шли следственные действия, сопровождавшиеся в том числе судмедэкспертизами, о желании крещеных и некрещеных удмуртов д. Новая Бия Волипельгинской волости Малмыжского уезда (Вавожский р-н) принести в жертву своего однопороденца Ф. Ф. Несмелова для прекращения холеры. Основные решения, выразившиеся в утверждении неадекватного психического состояния Несмелова, абсурдности его показаний относительно себя, а также о будто бы уже имевшем место ритуальном убийстве Устиньи Даниловой, колдуне-марийце, приглашенном для наведения порчи, и прочем, были приняты в 1854 г. В материалах расследования имеется констатация существования «местного поверья» о возможности таких крайних проявлений традиционного культа.

К сентябрю 1853 г. относится обвинение русским крестьянином с. Новый Бурец Усадской волости Малмыжского уезда А. Атлановым марийцев в наши дни исчезнувшей д. Мамакова (Вятскополянский р-н Кировской области) в попытке принести в жертву Кереметю двух его стороживших репу детей, 11 и 12 лет. Стремление крестьян организовать поиски «виновных» в марийской деревне натолкнулось на жесткий отпор. Вероятно, детские фантазии изначально не вызвали доверия полиции и поэтому сколь-либо серьезного следствия не проводилось.

Особенностью дела 1854–1856 гг., касавшегося территории современного Можгинского района, о возможном замолении односельчанами пропавшего 19-летнего удмурта с. Большая Уча Волипельгинской волости Гаврила Леонтьева можно считать привлечение к показаниям находившегося под арестом Антона Филиппова, жителя д. Пазял-Жикья (ныне д. Пазял). По сути, его свидетельства о будто бы имевшей место попытке однодеревенцев принести его в жертву в священной роще должны были дать большее основание до этого базирующихся только на слухах обвинений. В ходе следствия имели место свидетельские показания (удмуртов, русских, священнослужителей) и иные изыскания, отрицавшие саму возможность обрядового человекоубийства не только в Керемети, но и где бы то ни было. Исчезновение Гаврила Леонтьева так и не было раскрыто, троих арестованных по навету Антона Филиппова освободили, поверивших ему представителей земской полиции ожидали дальнейшие разбирательства [3, с. 20–23; 13, с. 10–15].

В пореформенный период слухи о практике человеческих жертвоприношений среди «инородцев» края стали разрастаться. Регулярно они оказывались в местной печати. Их дальнейшее распространение, таким образом, было обусловлено также этим фактором. Обратимся к одному из попавших на страницы еще в дореволюционный период сюжета, который так или иначе де-факто продолжается в современной научной литературе.

В 1885 г. неким Акимом Простотой был описан случай, будто бы имевший место в отношении священника с. Мултан (совр. с. Новый Мултан Увинского р-на) Базилевских. Он якобы заключался в героическом его освобождении полицейским урядником от толпы людоедов. Человеком, писавшим под таким псевдонимом, был выдающийся дореволюционный этнограф, краевед и просветитель Н. Н. Блинов. К сожалению, в данном случае публицист в нем одержал победу.

Критический анализ некоторых публикаций, территориально охватывающих Казанскую и Вятскую губернии, был предпринят, например, В. К. Магницким. В числе прочих им были перечислены как заметка Н. Н. Блинова, так и ее опровержение, сделанное С. К. Кузнецовым [10, с. 136–141]. В действительности мултанский священнослужитель вел себя неподобающим образом в измененном состоянии, за что на месте был привязан к столу, а позже проходил лечение в земской больнице [9; 8, с. 32–34].

В 1898 г., уже после завершения Мултанского дела, в своей монографии, посвященной изучению традиционных верований народа, Н. Н. Блинов вновь обратился к вопросу о человеческих жертвоприношениях. Соглашаясь с невиновностью жителей с. Старый Мултан, он вместе с тем допускал возможность данного ритуала у удмуртов «некоторых местностей» в исключительных случаях (например, при эпидемиях) под влиянием особенно экзальтированных прорицателей и ворожеев. Убийство нищего К. Матюнина с помещением отрезанной головы в источник, по его мнению, могло быть «искупительной жертвой» в верованиях, выросших из буддизма, но за длительное время ушедших далеко от исходника. В качестве подкрепления своих выкладок автор приводил более 10 случаев («фактов» и слухов), среди которых, на наш взгляд, нашли отголоски и события середины XIX в. в Новой Бие (случай помещен «близ деревни» под 1867 г., описан совершенно не похожим на обстоятельства 1848 г.) и Пазяле («вот, молили, де, в деревне Большом Позяле») [1, с. 6–7, 80–92]. Казус Базилевских уже не использовался, однако были вброшены новые, вполне допустимо, опирающиеся на некие реальные события (в том числе пропажи людей, их убийства) домыслы.

На современном этапе развития исторической науки в отдельных работах утверждается о забвении по политическим мотивам либо в целом наследия Н. Н. Блинова, либо тех его аспектов, которые касались изучения им человеческих жертвоприношений в прошлом. Подобное же якобы относится и к другим поддержавшим обвинительную сторону Мултанского процесса (И. Н. Смирнов, Г. Е. Верещагин). Такие утверждения не выдерживают критики, особенно если обращаться не к отдельным упущениям современных авторов, а к совокупности накопленного. Поэтому нельзя согласиться как с мнением А. В. Коробейникова о «малоизвестности» историкам Н. Н. Блинова, так и с его фактическим согласием с доводами дореволюционного этнографа о бытовавшем (пусть и редком, но

системном) заклании людей строго вне куалы [7, с. 45, 46]. Вызывает сомнения приведенное коллективом пермских и ижевских археологов число случаев, которые они посчитали человеческими жертвоприношениями на позднеананьинских поселениях Нижнего и Среднего Прикамья (49, с явным преобладанием детских). Представленные ими описания костяков, как минимум, далеко не всегда позволяют делать столь однозначные выводы. Безусловно, следует отринуть предпринятую попытку найти «отзвуки кровавых ритуалов» более чем двухтысячелетней давности в этнографических наблюдениях И. Н. Смирнова, Н. Н. Блинова и Г. Е. Верещагина. Так, при упоминании имени Н. Н. Блинова авторы делают отсылки к страницам указанной выше монографии, на которых описываются жертвоприношения животных, ритуальное уничтожение чучела в виде человека, тайное принесение в жертву в холодном здании или подполье человека, утверждается повсеместное существование главного «страшного» бога Булды/Будды, требующего в крайних случаях людской крови [6, с. 153; 1, с. 37, 38, 46, 82, 92]. Современное состояние знаний о традиционных верованиях удмуртов как раз однозначно позволяет говорить об ошибочности большинства указанных суждений и общей недостоверности выстроенной системы и сделанных обобщений.

Зародившаяся и развившаяся (в том числе посредством распространения представителями образованного меньшинства) примерно в течение последних двух третей XIX в. фактическая демонизация (в случае окончательной победы она, безусловно, принесла бы наибольший вред добрососедским отношениям между народами) продолжающих придерживаться традиционных верований народов Удмуртского Прикамья не имела одностороннюю (от русских к соседям) направленность. В описанных Н. Н. Блиновым случаях, которые он посчитал человеческими жертвоприношениями, есть также обвинители маришцы, татары.

Можно с большой долей вероятности утверждать, что все отмеченные случаи конфликтных взаимоотношений между различными этническими и социальными группами населения Удмуртского Прикамья более чем столетней давности, за исключением резонансного Мултанского дела, слабо отразились в исторической памяти. События бурного XX в. их заслонили. Современная этническая ситуация в нашем крае в целом, несмотря на достаточно часто встречающиеся проявления «бытового национализма», выглядит спокойной. Удмурты, татары, русские и многие другие, говоря словами клише, умеют жить рядом друг с другом. В истории народов-соседей имели место события, подобные вышеописанным. Однако логичнее в них видеть, в первую очередь, проблемы социально-экономического порядка, которые общественное сознание (древнейшая дихотомия «мы – они»), а также, весьма возможно, отдельные представители элит (либо контрэлит) пытались (пытаются) перевести в иное, межнациональное (вероятнее, в большей степени даже этно-сословное, межгрупповое) русло. Конфликты, в которых с позиции современности можно охарактеризовать как межэтнические, в большей степени носили все-таки ситуативный характер. Все это было разбавлено действиями и лицами откровенно уголовного (криминального, девиантного и т.п.) характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинов Н. Н. Языческий культ вотяков. Вятка: Губ. тип., 1898. 103 с.
2. Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1876. 997 с.
3. Гришкина М. В. Мултанский пролог // Мултанское дело: история и современный взгляд: Материалы научно-практ. конф. / Министерство национальной политики Удмуртской Республики; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: 2000. С. 20–23.
4. Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994. 166 с.
5. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. 420 с.
6. Кореньюк С. Н. Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях Нижнего и Среднего Прикамья (конец VI – III вв. до н.э.) / С. Н. Кореньюк, А. Ф. Мельничук, Е. М. Черных // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 143–164.
7. Коробейников А. В. По кривой дороге. Или к чему привело нашу науку забвение трудов о. Николая Блинова // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2009. № 3 (7). С. 45–63.
8. Кузнецов С. К. Из воспоминаний этнографа // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2. С. 29–51; 1907. № 3. С. 1–27.
9. Кузнецов С. К. Мнимое человеческое жертвоприношение // Казанский биржевой листок. 1885. № 37.
10. Магницкий В. К. Из быта казанских инородцев (К вопросу о человеческих жертвоприношениях) // Этнографическое обозрение. 1894. № 3. С. 136–141.

11. Общество и власть. Российская провинция. Конец XVIII – первая половина XX в. (по документам архивов Удмуртской Республики). Ижевск: Изд-во «Шелест», 2017. 740 с.
12. Перепись населения 1926 года. Вып. VII. Список населенных мест Вятской губернии. Малмыжский уезд. Вятка: Изд. Вят. губстатотдела, 1927. 55 с.
13. Пислегин, Н. В. Возвращаясь к слухам // Вестник КИГИТ. 2014. № 6 (47). С. 10–15.
14. Пислегин, Н. В. Некоторые заметки о татарах «удмуртских» уездов Вятской губернии в дореволюционную эпоху // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 2. Материалы Всерос. науч. конф. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 95–104.
15. Пислегин, Н. В. Община в обыденной жизни крестьян Удмуртии: материалы конца XVIII – первой половины XIX века // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 24–32.
16. Пислегин Н. В. Удмуртское крестьянство и власть (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010. 300 с.
17. Пислегин Н. В., Чураков В. С. Контактные зоны удмуртов и татар // История татар с древнейших времен. В 7 тт. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2013. С. 637–642.
18. Пислегин Н. В., Чураков В. С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. // УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2020. 784 с.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 37. Горный департамент Министерства торговли и промышленности.
20. Сорокин П. М. Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 год. Вятка: Губерн. тип., 1896. Отдел III. С. 85–96.
21. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2018. 452 с.
22. Хрестоматия по истории Удмуртии. В 2-х тт. Т. 1: Документы и материалы. 1136–1917. Ижевск: Комитет по делам архивов при Правительстве УР, 2007. 816 с.
23. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Фонд 56. Малмыжский уездный суд; Фонд 576. Губернское по крестьянским делам присутствие; Фонд 582. Канцелярия вятского губернатора.
24. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Фонд 96. Глазовский уездный съезд земских начальников; Фонд 113. Земский начальник 8-го участка Глазовского уезда; Фонд 126. Глазовский уездный суд; Фонд 212. Камско-Воткинский завод; Фонд 241. Сарапульский уездный суд; Фонд 347. Глазовская нижняя расправа.
25. Шорников, Е. И. Применение теории игр при реконструкции конфликтных ситуаций в поволжских деревнях в начале XX века // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 2. С. 90–100.

Поступила в редакцию 14.12.2023

Пислегин Николай Викторович, кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела исторических исследований
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: cpeg@rambler.ru

N.V. Pislegin

INTERETHNIC AND INTERESTATE CONFLICTS IN THE UDMURT PRIKAMYE REGION OF THE END OF XVIII – XIX CENTURY

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-1-35-44

The article comes to view the conflict aspects in the relationship between ethnical and estate groups of peoples in Udmurt Prikamye region in the late 18th–19th centuries. They were reflected in the time of resettlement and during the period of living side by side. As a rule, their origins lie in the socio-economic sphere. Land disputes were the most widespread. Systemic extortion for allegedly protecting horses by the Chepetsk Tatars was a manifestation of conflicts. The biggest unrest was the conflicts between groups of the Russian population (Kambarka against Maslyanyj Mys) in 1853, the Tatars of the village of Agryz and the Udmurts of nearby villages in 1860. The peculiarity of the multi-ethnic region caused the development of specific phenomena such as spreading rumors of human sacrifices from the middle of the 19th century. In general, the manifestations of conflict relationships were situational in nature, criminal elements played a significant role in them.

Keywords: peoples of Udmurt Prikamye region, mentality, estate groups of peasantry, community, resettlement, conflicts, human sacrifice.

REFERENCES

1. *Blinov N. N.* Yazycheskij kul't votyakov [The pagan cult of the Votyaks]. Vyatka, Provincial Print., 1898, 103 p. (In Russian).
2. Vyatskaya guberniya. Spisok naselennyh mest po svedeniyam 1859–1873 godov [Vyatka province. List of populated places according to information from 1859–1873]. Saint-Petersburg, Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs Press, 1876, 997 p. (In Russian).
3. *Grishkina M. V.* Multanskij prolog [The Multan Prologue]. Multanskoe delo: istoriya i sovremennyy vzglyad: Materialy nauchno-prakt. konf. [The Multan case: history and modern view: Materials of scientific and practical conference]. Izhevsk, Ed. of the Ministry of National Policy of the Udmurt Republic & Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000, pp. 20–23. (In Russian).
4. *Grishkina M. V.* Udmurty. Etyudy iz istorii IX–XIX vv. [Udmurts. Sketches from the history of the 9–19 centuries]. Izhevsk, "Udmurtia" Publ., 1994, 166 p. (In Russian).
5. Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov [Documents on the history of Udmurtia in 15–17 centuries]. Izhevsk, "Udmurtia" Publ., 1958, 420 p. (In Russian).
6. *Korenyuk S. N., Mel'nichuk A. F., Chernyh E. M.* Chelovecheskie zhertvoprinosheniya na anan'inskih poseleniyah (kon. VI–III vv. do n.e.) Nizhnego i Srednego Prikam'ya [Human sacrifices in Ananyino settlements of the Lower and Middle Kama regions (late 6th–3rd centuries B.C.)]. Arheologiya evrazijskij stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2017, no. 4, pp. 143–164. (In Russian).
7. *Korobejnikov A. V.* Po krivoj doroge. Ili k chemu privelo nashu nauku zabvenie trudov o. Nikolaya Blinova [On a crooked road. Or what has led our science to the oblivion of the works of fr. Nikolai Blinov]. Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstrukcii [Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction], 2009, no. 3 (7), pp. 45–63. (In Russian).
8. *Kuznecov S. K.* Iz vospominanij etnografa [From the memories of an ethnographer]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], 1906, no. 1–2, pp. 29–51; 1907, no. 3, pp. 1–27. (In Russian).
9. *Kuznecov S. K.* Mnimoe chelovecheskoe zhertvoprinoshenie [Imaginary human sacrifice]. Kazanskij birzhevoj listok [Kazan stock exchange leaflet], 1885, no. 37. (In Russian).
10. *Magnickij V. K.* Iz byta kazanskih inorodcev (K voprosu o chelovecheskih zhertvoprinosheniyah) [From the life of Kazan peoples of alien origin (inorodtsy) (On the issue of human sacrifices)]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], 1894, no. 3, pp. 136–141. (In Russian).
11. Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya. Konec XVIII – pervaya polovina XX v. (po dokumentam arhivov Udmurtskoj Respubliki) [Society and power. Russian province. The end of the 18 – the first half of the 20 century (according to the documents of the archives of the Udmurt Republic)]. Izhevsk, "Shelest" Publ., 2017, 740 p. (In Russian).
12. Perepis' naseleniya 1926 goda. Vyp. VII. Spisok naselennyh mest Vyatskoj gubernii. Malmyzhskij uезд [The population Census of 1926. Issue VII. List of populated places in Vyatka province. Malmyzh county]. Vyatka, Vyatka Provincial Statistical Department Press, 1927, 55 p. (In Russian).
13. *Pislegin N. V.* Vozvrashchayas' k sluham [Returning to the rumors]. Vestnik KIGIT [Bulletin of the Kama Institute of Humanities and Engineering Technologies], 2014, no. 6 (47), pp. 10–15. (In Russian).
14. *Pislegin N. V.* Nekotorye zametki o tatarah «udmurtskih» uездov Vyatskoj gubernii v dorevolucionnuyu epohu [Some notes about the Tatars of the "Udmurt" counties of Vyatka province in the pre-revolutionary period]. Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Sb. st. Vyp. 2. Materialy Vseros. nauch. Konf. [The historical destinies of the peoples of the Volga-Urals region. Collection of articles. Iss. 2. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Kazan, Ihlas Publ. & Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2011, pp. 95–104. (In Russian).
15. *Pislegin N. V.* Obshchina v obydennoj zhizni krest'yan Udmurtii: materialy konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka [Community in ordinary life of peasants of Udmurtia. Materials of the of 18th – the first part of the 19th centuries]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2013, iss. 1, pp. 24–32. (In Russian).
16. *Pislegin N. V.* Udmurtskoe krest'yanstvo i vlast' (konec XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Udmurt peasantry and power (late 18 – first half of the 19 century)]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2010, 300 p. (In Russian).
17. *Pislegin N. V., Churakov V. S.* Kontaktnye zony udmurtov i tatar [Contact areas of Udmurts and Tatars]. Istoriya tatar s drevnejshih vremen v 7 tt. T. VI. Formirovanie tatarskoj natsii XIX – nachalo XX v. [The history of the Tatars since ancient times. In 7 vol. Vol. VI. Formation of the Tatar nation of the 19 – early 20 century]. Kazan, Ed. of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013, pp. 637–642. (In Russian).
18. *Pislegin N. V., Churakov V. S.* Naselennye punkty Udmurtskogo Prikam'ya XVII – serediny XIX v. [Localities of the Udmurt Kama region in 17 – middle of 19 century]. Izhevsk, Ed. of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020, 784 p. (In Russian).

19. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [The Russian State Historical Archive]. Fond 37. Gornyy departament Ministerstva trgovli i promyshlennosti [Mining Department of the Ministry of Trade and Industry]. (in Russian, unpublished).
20. *Sorokin P. M.* Tatory Glazovskogo uyezda [Tatars of Glazov county]. Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1897 god [Calendar and commemorative book of Vyatka province for 1897.]. Vyatka, Provincial Print., 1896, p. III, pp. 85–96. (In Russian).
21. Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdisciplinarnyj podhod i obshchestvennye praktiki. Opyt preduprezhdeniya i uregulirovaniya konfliktov [The phenomenon of ethnic conflict: an interdisciplinary approach and social practices. Experience in conflict prevention and resolution]. Moscow, Ed. of the IEA of the RAS, 2018, 452 p. (In Russian).
22. Hrestomatiya po istorii Udmurtii. V 2-h tt. T. 1: Dokumenty i materialy. 1136–1917 [Chrestomathy on the history of Udmurtia. In 2 vol. Vol. 1: Documents and materials. 1136–1917]. Izhevsk, Ed. of the Committee on Archives under the Government of Udmurt Republic, 2007, 816 p. (In Russian).
23. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (CGAKO) [The Central State Archive of the Kirov region]. Fond 56. Malmyzhskiy uyezdnny sud [Malmyzh district court]; Fond 576. Gubernskoye po krest'yanskim delam prisutstviye [Provincial Peasant Affairs presence]; Fond 582. Kantselyariya vyatskogo gubernatora [Office of the Vyatka Governor]. (in Russian, unpublished).
24. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki (CGA UR) [The Central State Archive of the Udmurt Republic]. Fond 96. Glazovskiy uyezdnny s'yezd zemskikh nachal'nikov [Glazov district congress of zemstvo chiefs]; Fond 113. Zemskiy nachal'nik 8-go uchastka Glazovskogo uyezda [Zemsky chief of the 8th section of the Glazov district]; Fond 126. Glazovskiy uyezdnny sud [Glazov district court]; Fond 212. Kamsko-Votkinskiy zavod [Kama-Votkinsk plant]; Fond 241. Sarapul'skiy uyezdnny sud [Sarapul District Court]; Fond 347. Glazovskaya nizhnyaya rasprava [Glazov lower massacre]. (in Russian, unpublished).
25. *Shornikov E. I.* Primenenie teorii igr pri rekonstrukcii konfliktnyh situacij v povolzhskih derevnyah v nachale XX veka [The application of game theory in the reconstruction of conflict situations in Volga villages at the beginning of the 20 century]. Krest'yanovedenie [Peasantstudies], 2017, vol. 2, no. 2, pp. 90–100. (In Russian).

Received 14.12.2023

Pislegin N.V., Candidate of History, Associate Professor,
Senior Researcher of the Department of Historical Research
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: cpeg@rambler.ru